

**Московский педагогический
государственный университет**

ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РОССИИ

Выпуск 3

Москва
2018

Коллектив авторов

**Трудные вопросы
истории России. Выпуск 3**

«МПГУ»

2018

УДК 94
ББК 63.3(2)

Коллектив авторов

Трудные вопросы истории России. Выпуск 3 / Коллектив авторов — «МПГУ», 2018

ISBN 978-5-4263-0629-5

Третий выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории: Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.» продолжает два предыдущих издания и посвящен важнейшему событию XX века не только в отечественной, но и в мировой истории. Узловые вопросы пособия: проблемы государственного строительства и их решение двумя противоборствующими лагерями – «красными» и «белыми», развитие различных форм демократии и системы рабочего самоуправления, многопартийность и закономерности перехода к однопартийной диктатуре, оценки 1917 г. современными российскими политиками, Октябрь 1917 в контексте исторической памяти и ряд других. Пособие соответствует требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и предназначено для учителей и студентов.

УДК 94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4263-0629-5

© Коллектив авторов, 2018
© МПГУ, 2018

Содержание

От редактора	6
Раздел 1	8
Николай II и его ближайшее окружение в феврале 1917 г	8
Хроника последнего дня царствования (Николай II 2 марта 1917 года)	10
Разрушение Временным правительством царской системы обеспечения внутренней безопасности страны и попытки создать новую (март – сентябрь 1917 г.)	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Трудные вопросы истории: Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. Учебное пособие. Выпуск 3 Под общей редакцией А. Б. Ананченко

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет»
Институт истории и политики

Рецензенты:

Р. Г. Гагкуев, доктор исторических наук, главный редактор издательства «Дрофа»

А. В. Клименко, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России МПГУ

Авторский коллектив:

А. Б. Ананченко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики МПГУ;

Г. А. Артамонов, кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ;

Н. Н. Глухарев, кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

А. А. Зданович, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

В. П. Попов, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

А. В. Репников, доктор исторических наук, профессор;

В. Ж. Цветков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

Д. О. Чураков, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ;

В. Л. Шаповалов, кандидат исторических наук, доцент кафедры политических исследований России и постсоветского пространства МПГУ;

А. И. Юрьев, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей отечественной истории МПГУ

От редактора

Третий выпуск учебного пособия «Трудные вопросы истории: Революция 1917 г. и Гражданская война в России. 1917–1922 гг.» продолжает два предыдущих издания и посвящен важнейшему событию XX века не только в отечественной, но и в мировой истории. Узловые вопросы пособия: проблемы государственного строительства и их решение двумя противоборствующими лагерями – «красными» и «белыми», развитие различных форм демократии и системы рабочего самоуправления, многопартийность и закономерности перехода к однопартийной диктатуре, оценки 1917 г. современными российскими политиками и ряд других.

Как показал опыт использования первых выпусков «Трудных вопросов» в педагогической практике кафедры новейшей отечественной истории МПГУ, пособие позволяет студентам не только знакомиться с новейшими достижениями исторической мысли и способствует умению работы с источниками, но также помогает овладевать более совершенными методами работы на семинарских и практических занятиях. В отличие от учебника, весьма «неповоротливого» к быстрым переменам и появлению нового и актуального исторического материала, пособие не ограничивается темами «трудных вопросов», указанных в единой концепции и историко-культурном стандарте, а по мере изменений в мировой истории – расширяет их. Пособие также позволяет более широко рассматривать и глубже изучать альтернативные подходы к освещению важнейших научных проблем истории России.

В статьях, посвященных государственному строительству, показаны такие характерные черты, как наличие *многовластия* на всех уровнях государственного управления в марте 1917 – начале 1918 г., *сосуществование* старых и новых органов власти, «точки перелома», среди которых центральное место занял разгон Учредительного собрания, окончательно, по мнению автора, «сломавший психологию гражданского мира». Также показано, что октябрьский политический переворот создал уникальную возможность для образования «единого многопартийного демократического правительства» в стране. Однако, как показано в публикации, этот исторический шанс не был использован социалистическими партиями как по причине диктаторских амбиций большевиков, так и из-за непродуманных действий их политических оппонентов – эсеров и меньшевиков.

Историографическая традиция связывает Гражданскую войну с рядом давно известных и хорошо изученных сюжетов, где основное внимание уделено военно-политическому противостоянию «красных» и «белых», обоюдному кровавому террору, крестьянским восстаниям и выступлениям, трагедии казачества, военной интервенции и ряду других. Лишь относительно недавно исследователи стали проводить *сравнительный анализ* действий обеих противоборствующих сторон по созданию собственной устойчивой государственной системы в специфических условиях Гражданской войны. Автором сделана попытка показать, какие элементы этой системы носили характер преемственности с аналогичными институтами царской России и Временного правительства, какую роль сыграли они в победе одного и поражении другого враждебного лагеря. Показано, что важный урок, извлеченный современниками из нашего опыта столетней давности, заключается в том, что даже Гражданская война не смогла уничтожить потенциал, заложенный реформами предшествующих лет; Революция 1917 г. лишь придала им ускоренный характер, скроенный каждым из лагерей на «свою мерку».

Важное место в пособии занимает проблема развития различных форм демократии и системы рабочего самоуправления – тема, актуальнейшая и в наши дни, но почти забытая историками сегодня. Дискуссионным является и вывод, сделанный автором публикации: судьба Учредительного собрания, представлявшего модель либерально-западнического парламентаризма, в условиях российской действительности *закономерно* уступила место Советам, как форме самоуправления народа, более соответствующей революционной эпохе.

Особое место в пособии занимают две рецензии, посвященные двум книгам, представляющим по существу иллюстрированную летопись Революции и Гражданской войны. Перед нами – свидетельства очевидцев тех событий, запечатленные в листовках, воззваниях, декретах, плакатах, фотографиях, карикатурах, текстах воспоминаний и пр. Важна и авторская концепция обеих книг – показана без прикрас трагедия братоубийства, жестокость и духовно-моральный тупик Революции и Гражданской войны. Историческая действительность, запечатленная и отраженная представленной фотолетописью, содержит (помимо фактов и образов) также информацию об исторической обстановке, в которой они создавались, а их эмоциональная, то есть «авторская», окрашенность позволяет читателю лучше определить позиции противоборствующих сторон и сил, оценить события и, что немаловажно, дать им свою собственную интерпретацию.

Чрезвычайный интерес представляет публикация, посвященная оценке советского исторического прошлого в программах ведущих политических партий современной России. Представленный материал еще раз убеждает в том, что преподавание отечественной истории должно стать обязательным предметом во всех вузах страны, как и обязательная сдача ЕГЭ по истории в школах.

Для кого-то Революция 1917 г. – это «исторический провал», «трагедия», «иллюзия», а для других – решающий шаг к созданию ранее невиданной в истории социальной системы, отринувшей и феодальные, и капиталистические устои России, предложившей миру новый вектор развития. Пособие заставляет студентов задуматься над главным: что заставило Россию, ставшую весной 1917 г. на демократический путь развития, отказаться от него спустя восемь месяцев, какие исторические процессы, протекавшие в России на протяжении веков, получили свое завершение в ходе братоубийственной Гражданской войны. И, наконец, в чем ценность полученного нами исторического опыта сегодня, когда Россия (как и весь мир) вновь находится накануне серьезных перемен.

Различные оценки нашего исторического прошлого, представленные в данном пособии, свидетельствуют, что *разномыслие* является необходимым условием развития исторической науки.

Раздел 1

Крушение самодержавной России и Временное правительство

Николай II и его ближайшее окружение в феврале 1917 г Артамонов Г. А

В период с 23 февраля по 2 марта 1917 г. для Николая II, помимо отречения, теоретически была возможна следующая альтернатива: решиться на конституционные реформы или подавить народные волнения в столице. Ни тот, ни другой вариант не был реализован не только в силу особенностей личности последнего российского императора, но и в результате действий по информированию царя, предпринятых его военным и политическим окружением.

Вся информация по проблемам, затрагивающим самые основы самодержавной власти, попадала на «почву» непоколебимой убежденности Николая II в абсолютной неприемлемости для России любой другой формы правления, кроме существующей. Ему казалось, что если занять твердую позицию и ни под каким предлогом не соглашаться на реформирование монархии, то никакой революции не будет. По его мнению, жупел революции сознательно эксплуатируется думской оппозицией и либеральной интеллигенцией, дабы вынудить царя резко сократить объем своей власти.

Информация, укреплявшая подобные представления Николая II, поступала с начала Первой мировой войны из нескольких источников. Записки кружка Дурново предупреждали, что в условиях войны либеральные партии и думская оппозиция попытаются использовать военные неудачи России для оказания давления на царя с целью осуществления буржуазно-демократических преобразований. В своем стремлении добиться «ответственного министерства» они готовы пойти даже на разжигание революционных выступлений. А добившись реформ, «войдя во власть», не смогут, в силу своей бездарности, стабилизировать внутривластную ситуацию и остановить «народные волны, ими же вызванные». В результате страна будет ввергнута в пучину кровавого хаоса. С начала 1917 г. начальник охранного отделения Петрограда Глобачёв доносил царю, что обстановка в столице поразительно напоминает канун Революции 1905 г. Возможны стихийные выступления распропагандированного пролетариата, на которые рассчитывают либеральные партии. Последние полагают, что это приведет к уступкам со стороны царя, к реформированию самодержавия в конституционную монархию. 26 января Глобачёв доложил о том, что в Думе уже распределяют министерские портфели, в будущем ответственном правительстве. На власть претендуют две группы, одну возглавляет Родзянко, другую – Гучков. На эту же версию «либерального заговора» работали и доклады Протопопова.

Обращает на себя внимание разговор, состоявшийся между царем и Родзянко 10 февраля. Получалось, что Николая II предупреждал о приближающейся революции тот, кто, по информации Глобачёва и Протопопова, как раз и был тем самым либералом-про-вокатором, стремившимся «на плечах» выдуманной им революции прийти к власти.

Информация, поступавшая в Ставку до отъезда императора в Царское Село, могла только подтвердить худшие подозрения Николая II о возможности скорее «верхушечной» провокации, нежели революции. Вплоть до 27 февраля включительно генералы Беляев и Хабалов, министр Протопопов направляли царю усыпляюще-убаюкивающие телеграммы, в которых нет ни слова о возможности перерастания забастовочного движения в революцию. Ситуация в этих телеграммах в целом оценивалась как подконтрольная властям. Естественно, что показанные

Николаю только утром 27 февраля телеграммы М. В. Родзянко, выдержанные в панических тонах, на фоне первого потока информации выглядели чистой воды провокацией. Подозрительны были и «зигзаги» председателя Государственной думы, утром 26 февраля просившего войск, а вечером того же дня – «ответственного министерства».

Вечерняя 26 февраля телеграмма Родзянко о неотложности конституционных уступок была доложена Николаю II генералом М. В. Алексеевым утром 27 февраля. Время, отпущенное Николаю на принятие решения, было столь же мало, сколь мала была вероятность его согласия. В тот же день этот вариант будет снят с повестки дня Временным комитетом Государственной думы и самим ходом событий в столице.

История в считанные часы проскочила возможность самоограничения царской власти. Этого шага уже не ждали в Петрограде. На этот шаг еще и не думал соглашаться Николай, принявший ряд мер к военному подавлению мятежа (экспедиция генерала Н.И.Иванова). Такое развитие событий и такое поведение царя в определенной мере явились следствием фактической дезинформации Николая II, не позволившей ему реально и непредубежденно представить происходившее в Петрограде. Два потока информации, стекавшиеся в Ставку (один от Протопопова, Беляева и Хабалова, другой от Родзянко), лишь способствовали укреплению царя в нежелании идти на конституционные реформы.

Хроника последнего дня царствования (Николай II 2 марта 1917 года) Цветков В. Ж

Вечером 1 марта, после длительной беседы с командующим армиями Северного фронта генералом Н. Рузским, Николаем II принимается решение об ответственном министерстве.

2 марта

00:20 – Николай II телеграфирует в Царское Село генералу Иванову, который идет на Петроград с карательным походом: «Прошу до моего приезда и доклада мне никаких мер не предпринимать».

Эта телеграмма говорит о том, что Николай II в принципе согласился на мирное решение вопроса. Он считает, что ответственное министерство все-таки возможно.

00:00 – 1:00 – Царь принимает в вагоне графа Дмитрия Шереметьева и адъютанта генерала Николая Рузского и говорит, что нужно позвать бывшего управляющего землеустройством и земледелием Александра Кривошеина, которого Николай II рассматривал как компромиссную фигуру на место главы ответственного министерства.

Около 1:00 государь ушел спать, но, возможно, он заснул только в 5:15.

С 3:30 до примерно 4:00 состоялся телеграфный разговор Рузского с председателем Государственной думы Михаилом Родзянко, который заявляет, что создавать ответственное министерство уже поздно и что нужно ставить вопрос об отречении в пользу наследника цесаревича Алексея при регентстве великого князя Михаила Александровича. Затем в Ставку передается краткое содержание разговора. Государь еще об этом не знает, отречься не собирается, а за его спиной начинается разговор об отречении.

6:00 – Николай II просыпается и начинает перебирать бумаги.

8:00 – Государь садится за письменный стол в вагоне и начинает свой рабочий день.

Около 9:00 Рузский получает телеграмму от главнокомандующего Михаила Алексея с требованием разбудить Николая II, чтобы проверить, известно ли ему о решениях, принятых Рузским и Родзянко, но ему отвечают, что государь спит и будить его не будут.

В 10:15 Николай II принимает Рузского, который зачитывает ему разговор с Родзянко. Государь узнает, что он передан в Ставку и что Алексеев должен послать запрос всем командующим фронтами об отношении к возможности отречения в пользу цесаревича при регентстве Михаила.

Около 11:00 Рузский заявляет Николаю II о необходимости отречения, государь отвечает, что все обдумает.

С 14:30 до 15:00 Рузский показывает Николаю II ответы командующих фронтами на запрос Алексея, в которых они высказываются за отречение, но государь колеблется. Тогда Рузский обращается к двум штабным генералам, Данилову и Савичу, которые тоже говорят, что нужно отречься.

15:00 – Николай передает Рузскому телеграммы для немедленной отправки в Ставку и Родзянко.

«Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родимой матушки России. Посему я готов отречься от престола в пользу моего сына с тем, чтобы он оставался при нас до совершеннолетия при регентстве брата моего, великого князя Михаила Александровича», – говорилось в телеграмме на имя Родзянко.

«Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, я готов отречься от престола в пользу моего сына. Прошу всех служить ему верно и нелицемерно. Николай», – написал государь генералу Алексееву.

В начале четвертого придворные узнают об отречении от Фредерикса. Дворцовый комендант Владимир Воейков бросается уговаривать Государя взять обратно телеграммы, а вернувшись, просит начальника военно-походной канцелярии царя К. Нарышкина по повелению государя забрать у Рузского телеграмму.

Получается, что государь передумал. То ли не хотел отречься вообще, то ли – в пользу сына, а хотел сделать это в пользу брата, но это маловероятно, так как беседы с лейб-хирургом Федоровым еще не было. Скорее всего, он мог вообще передумать об отречении.

15:45 – Нарышкин возвращается от Рузского, который не отдал ему телеграмму, потому что убедил государя ничего не менять до приезда из Петрограда А. Гучкова и В. Шульгина. Они должны были приехать в Псков как представители новой власти – Временного комитета Государственной думы. При этом Рузский приостанавливает и отправку телеграммы царя Родзянко, поэтому в Петрограде не знают, что государь решил отречься от престола.

Около 16:00 лейб-медик Федоров отвечает государю на его вопрос о возможности излечения гемофилии. Болезнь цесаревича Алексея неизлечима, и он вряд ли доживет до 16 лет, когда он сможет править без регента.

Точное время решения государя об отречении и за сына тоже неизвестно. С 16 до 19 часов он переживает и думает об этом варианте. Дело в том, что при регентстве Михаила бывшего государя могли не допустить к сыну, поэтому Николай не хотел расставаться с мальчиком, опасаясь, что с ним может что-то произойти с точки зрения здоровья.

16:30 – 16:50 – Николай II гуляет по платформе, одетый в форму кубанских пластунов, с лицом бледным, но спокойным.

19:40 – Николай II получает из Ставки на утверждение текст манифеста об отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила.

Около 22 часов Николай II принимает депутатов Гучкова и Шульгина, которые привезли свой вариант текста отречения в пользу Алексея. Государь сообщает, что решил отречься от престола и за сына тоже, и выражает надежду, что они поймут «чувства отца».

23:48 – Николай II подписал карандашом, взятым у своего адъютанта герцога Лейхтенбергского, манифест об отречении только в пользу Михаила, датированный 15 часами, напечатанный адъютантом на пишущей машинке, и вручил его Шульгину и Гучкову вместе с двумя указами, датированными 14 часами: о назначениях на посты председателя Совета министров князя Г. Е. Львова и Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Ранее с Родзянко было согласовано решение о назначении генерала Л. Г. Корнилова на должность командующего Петроградским военным округом.

3 марта в 01:00 царский поезд уезжает из Пскова в Могилев, в Ставку.

Вопросы и задания

1. Пользуясь источниками, указанными в работе Р. Г. Гагкуева и А. В. Репникова «Великая Революция 1917 г. Иллюстрированная летопись» (М., 2017), дайте свою версию реконструкции одного дня (2 марта 1917 г.) императора Николая II.

2. Какой из источников, описывающих это событие, на ваш взгляд, представляется наиболее достоверным?

Разрушение Временным правительством царской системы обеспечения внутренней безопасности страны и попытки создать новую (март – сентябрь 1917 г.)

Зданович А. А

В феврале 1917 г. в России пала монархия. Казалось бы, самые надежные опоры старой власти – армия и Департамент полиции МВД не смогли защитить царскую власть. О состоянии армии в предреволюционный период и настроениях высшего командного состава сказано за сто лет уже достаточно много. В 2010 г. был переиздан сборник документов под общим названием «1917. Разложение армии» [1]. Переизданы были также и многочисленные воспоминания российских и иностранных свидетелей событий конца 1916 – февраля 1917 г. Поскольку все, что происходило с царской армией не является предметом рассмотрения в данной статье, то отошлю читателей к многочисленным публикациям последних лет, отражающих обстоятельства, подрывавшие политическую лояльность войск [2].

Что же касается органов политического розыска департамента полиции МВД и контрразведки, то современные историки не уделяют, по моему мнению, этим структурам достаточного внимания. Как положительное исключение выглядят усилия некоторых членов «Общества изучения истории отечественных спецслужб» и в первую очередь доктора исторических наук З. И. Перегудовой. Она не только публиковала свои монографии и статьи, но и активно участвовала в подготовке к изданию мемуаров В. Ф. Джунковского – товарища (заместителя) министра внутренних дел, К. И. Глобачёва – последнего начальника петроградского охранного отделения; книги А. А. Блока «Последние дни императорской власти» [3]. В написанных ею предисловиях и в самих воспоминаниях и документах содержится интересная информация о последних месяцах существования «иммунной политической системы» страны: политической полиции и, отчасти, контрразведки. Исходя из сказанного, попытаюсь представить свой взгляд на систему обеспечения внутренней безопасности в последний период существования царской России и в период Временного правительства.

«Министерская чехарда» 1916 г. затронула и Министерство внутренних дел империи. На этой должности до Февральской революции побывали 4 человека (А. Н. Хвостов; Б. В. Штюмер; А. А. Хвостов и А. Д. Протопопов). Сменилось три директора Департамента полиции (К. Д. Кафафов; Е. К. Климович и А. Т. Васильев), а также два заведующих центральным органом политического розыска – Особого отдела ДП МВД (М. Е. Броецкий и И. П. Васильев). Частые и нередко слабо обоснованные кадровые перестановки однозначно влияли в негативном плане на агентурно-оперативную и информационную деятельность всех подразделений службы внутренней безопасности. Складывается впечатление, что высшие власти почти не обращали внимание на некоторые процессы, подрывающие устои государства в условиях продолжающейся войны. Предложения по совершенствованию структуры и повышению эффективности работы «иммунной системы» режима игнорировались военным руководством, Советом министров, да и самим царем. Чего, к примеру, стоит факт отклонения Ставкой Верховного главнокомандующего в феврале 1916 г. проекта МВД об объединении усилий политической полиции и военной контрразведки в деле обеспечения безопасности страны от внутренних угроз [4]. Не реализованным и даже не рассмотренным остался проект создания контрразведки с некоторыми функциями политического розыска, составленный в августе 1916 г. внештатным советником председателя Совета министров И. Ф. Манасевичем-Мануйловым [5].

Понятно, что любая перестройка структуры требует времени и сказывается на результативности работы любого государственного аппарата. Но царские власти даже не воспринимали большинство конкретных рекомендаций политической полиции, направленных если не

на устранение, то на минимизацию внутренних угроз царскому режиму. Здесь стоит привести сведения последнего начальника петроградского отделения по охране общественной безопасности Глобачёва. К примеру, он еще в конце января 1916 г. представил руководству серьезный аналитический доклад о продовольственном положении в Петрограде и во что может вылиться сложившаяся ситуация в плане политической стабильности [6]. В течение января – февраля 1917 г. столичное охранное отделение не менее чем раз в неделю, а иногда и ежедневно информировало Департамент полиции и другие ведомства об обстановке в городе, в том числе и о ситуации (в смысле надежности) в воинских частях гарнизона. Однако, военное командование не хотело верить в сомнения политической полиции относительно возможности отказа войск защищать верховную власть. Никак не реагировали и руководители гражданские структур. Итог известен – произошли события, о которых предупреждали органы государственной безопасности.

Лица, пришедшие к власти после Февральской революции, совершенно не учли печальный опыт царского режима. Более того, они незамедлительно принялись за полный демонтаж старой «иммунной системы». Они даже не рассматривали варианты, при которых она могла бы в течение определенного времени сдерживать правых и даже левых радикалов. Ведь факт, что ни одно жандармское управление, ни один орган политической полиции не противодействовал новой власти, не предпринимал каких-либо действий по реставрации монархии. Большая часть руководителей политической полиции не пыталась скрыться и ожидала своей участи практически на рабочих местах. То же самое можно сказать и о военных контрразведчиках.

На фоне нараставшей усталости от многолетней войны и антивоенной агитации брожение в солдатской массе в частях действующей армии и в тыловых военных округах стремительно прорвалось массовыми митингами, принятием различных постановлений и резолюций по проблемам жизнедеятельности войск. Особое значение в этом плане приобрел «Приказ № 1» Петроградского Совета, в соответствии с которым столичный гарнизон фактически выводился из подчинения командованию. Именно с него началось повсеместное создание в войсках комитетов разного уровня, серьезно подрывавших основы старой армии. Дисциплина в войсках падала день ото дня, боевая мощь рушилась далеко не от снарядов немецких сверхмощных орудий.

В обстановке усиливающегося с каждым днем хаоса на фронте и в тылу многие контрразведчики, призванные оберегать боеспособность армии и флота, приходили к печальному заключению, что борьба со шпионажем, а тем более с иными видами подрывной деятельности в таких условиях практически невозможна. Действия официальных властей не оставляли им реальных надежд на будущее.

Образованный 27 февраля 1917 г. Временный комитет Государственной думы через несколько дней преобразовался во Временное Правительство, фактически взявшее на себя управление страной.

Уже 4 марта Временное правительство на своем третьем заседании приняло решение, значимое для всей страны и напрямую повлиявшее на ее «иммунную систему». Постановлялось незамедлительно ликвидировать отдельный корпус жандармов (ОКЖ), царскую полицию, а также все отделения по охране общественной безопасности [7]. Офицеров и нижних чинов ОКЖ и полиции предписывалось назначать в строевые части.

Занявший к этому времени пост военного и морского министра А. И. Гучков направил на места телеграмму, в которой довел новость до штабов фронтов, армий и округов и указал на необходимость неукоснительного исполнения постановления правительства.

Это было фатальное для контрразведки распоряжение. Прежде всего серьезнейший удар наносился по руководящим кадрам аппаратов борьбы со шпионажем, а также по агентам службы наружного наблюдения. Подавляющее большинство офицеров и филеров были лишь

прикомандированы к военному ведомству, но являлись сотрудниками расформированных полицейских учреждений и офицерами ОКЖ.

Конкретизируя решение Временного правительства, военный министр подписал циркулярную телеграмму с указанием уволить из органов по борьбе со шпионажем всех жандармских офицеров и даже лиц, когда-либо ранее работавших в охранных отделениях и в криминальной полиции [8]. Замечу, что офицеры упраздненного ОКЖ составляли до 90 % от общего числа начальников контрразведывательных отделений (КРО) фронтов, армий и корпусов, а также и их помощников-заместителей [9].

Военное командование пыталось затормозить реализацию указания новых петроградских властей. Так, Генерал-квартирмейстер штаба Западного фронта в своем докладе в Ставку Верховного Главнокомандующего (СВГК) относительно состояния КРО предупреждал о несомненном полном прекращении деятельности контрразведки в случае одномоментного увольнения лиц, указанных в телеграмме Гучкова [10]. Однако, обращение генерала осталось без ответа. Но военные не остановились и продолжали отстаивать столь нужные кадры.

Проанализировав доклады, поступившие из подчиненных штабов, отвечавший за разведку и контрразведку, второй генерал-квартирмейстер Ставки ВГК генерал-майор С. Л. Марков направил на места циркулярную телеграмму, разрешавшую в необходимых случаях оставлять на службе наиболее квалифицированных сотрудников из числа бывших жандармских офицеров и нижних чинов на период реорганизации контрразведывательных отделений, но не дольше чем до 15 июля 1917 г. [11].

Все эти действия опытных военных руководителей уже не могли изменить ситуацию. Подавляющее большинство офицеров-контр-разведчиков ко времени получения вышеуказанного распоряжения были уже уволены, а отдельные – подверглись репрессиям и даже были убиты. Типичную обстановку тех дней обрисовал в своем докладе руководству начальник КРО штаба Двинского военного округа. Он, в частности, сообщал, что деятельность отделения практически парализована, поскольку офицеры и другие сотрудники неоднократно задерживались, к ним применялись меры физического воздействия, угрожали расстрелом [12]. Прямо в Таврическом дворце был арестован начальник КРО штаба Петроградского военного округа полковник В.М. Якубов, прибывший туда добровольно и с рапортом о готовности добросовестно служить новой власти. Не дождавшись возвращения руководителя, личный состав отделения прекратил работу, а в начале марта помещение, где размещалась контрразведка, подверглось полному разгрому «революционной» толпой. Большинство сотрудников были арестованы. Они почти месяц провели в тюрьме без предъявления каких-либо обвинений.

Несмотря на ходатайства высших военных чинов и заслуги в деле борьбы со шпионажем был уволен от должности начальника Центрального военно-регистрационного бюро (контрразведки. – А. З.) Главного управления Генерального штаба полковник В. Г. Туркестанов, откомандированный из Отдельного корпуса жандармов в военное ведомство еще в 1911 г. для организации КРО штаба Московского округа [13]. По решению Временного правительства арестовали и бывшего начальника контрразведывательного отделения Генерального штаба жандармского полковника В. А. Ерандакова. Не найдя ничего предосудительного непосредственно в его работе на указанном посту, председатель особой следственной комиссии Временного правительства сенатор В. А. Балъц возбудил уголовное дело по фактам «злоупотреблений» в контрразведке вообще. Не зная существа расследования, «демократическая» пресса уже обвинила Ерандакова в совершении преступлений против народа [14].

Все большее и больше значение придавали вопросу о якобы имевших место серьезных нарушениях со стороны офицеров КРО, all октября это рассматривали даже на заседании правительства. В газетном отчете сообщалось, что упомянутый выше сенатор Балъц убеждал участников заседания, что «область злоупотреблений по борьбе со шпионажем требует образования особого органа власти для расследования, так как такого рода следственная организация

обнимет деяния должностных лиц, извращавших задачи борьбы со шпионажем и служивших в действительности борьбе с общественностью, отдельными национальностями и промышленностью страны» [15]. В итоге Временное правительство учредило Особую следственную комиссию под председательством сенатора Н. Н. Чебышева, при участии представителей адвокатуры и военного ведомства.

Не отставали от центральных и местные революционные власти. Есть много свидетельств их «компетентных» решений относительно контрразведки и ее кадров.

Кроме бездумных кадровых решений к резкому ослаблению контрразведывательных органов привело фактическое уничтожение их агентурного аппарата. Этому способствовала кампания в прессе по разоблачению секретных сотрудников тайной полиции царской России, основанная на материалах архивов МВД. Чуть ли не ежедневно в газетах печатались списки выявленных в столице и на местах агентов охранных отделений. А ведь с началом войны многие опытные секретные сотрудники охранных отделений частично или полностью были переориентированы на борьбу со шпионажем и лицами, способствовавшими военным противникам России. И несмотря на это, бывших секретных сотрудников полиции изгнали из контрразведки, а впоследствии многих арестовали. Подполковник Б. В. Никитин, назначенный в начале марта 1917 г. начальником КРО штаба Петроградского военного округа, позднее писал, что встречал упорнейшее нежелание продолжать работу со стороны даже «чистых» (то есть не связанных ранее с политической полицией. – А. З.) агентов, вызванное страхом подвергнуться репрессиям по примеру секретных сотрудников охранных отделений [16].

Да и как могло быть иначе. Один из крупных юристов, включенный Временным правительством в состав Чрезвычайной следственной комиссии С. В. Завадский вспоминал о правовом нигилизме председателя комиссии Н. К. Муравьева, который настаивал на привлечении секретных сотрудников царской политической полиции к уголовной ответственности просто по факту тайного сотрудничества с ней, без оценки нанесенного ими «вреда» революционному движению. Он прямо заявлял, что «нужно найти (!) статью закона, по которой их можно было бы судить, невзирая на амнистию». Муравьев предлагал, к примеру, использовать статью Уложения о наказаниях, предусматривающую уголовную ответственность за превышение власти [17].

Как пишет доктор исторических наук Перегудова, с марта по октябрь 1917 г. в Петрограде, Москве и многих других городах по постановлению Временного правительства и распоряжениями исполкомов местных советов были созданы специальные комиссии, которые занимались вопросами секретной агентуры [18].

В условиях кардинальных изменений, произошедших в системе государственного и отчасти военного управления, наблюдалась тенденция со стороны руководителей контрразведывательной службы всячески уклониться от выполнения функций, напрямую не связанных с борьбой с германской разведкой. В этом видится вполне понятное стремление сохранить аппарат контрразведки в условиях, когда власти зачастую принимали решения под напором ультра-революционных общественных настроений и когда политическая целесообразность превалировала над законом. Поэтому в циркулярных телеграммах, которые направлялись в органы контрразведки по линии Ставки и ГУГШ, подчеркивалось, что их задачей является исключительно борьба с военным шпионажем.

Те, кто отвечал за контрразведку в Главном управлении Генерального штаба, подготовили проект обращения к войскам А. Ф. Керенского, сменившего Гучкова на посту военного и морского министра. Данное обращение было оформлено в виде несекретного приказа по армии и флоту и 17 мая 1917 г. подписано министром. В нем говорилось об усилившейся активности шпионских центров противника и опасности их деятельности для страны. «Для борьбы со шпионами, – отмечалось в приказе, – существуют особые секретные учреждения,

именуемые контрразведывательными отделениями. Не смешивайте служащих этих отделений с агентами политического сыска старого режима... и оказывайте им полное содействие» [19].

Ранее подобные призывы и разъяснения публиковались и от имени различных войсковых штабов, однако они не привели к желаемому результату на фоне развернутой новыми властями кампании разоблачительства деятельности всех секретных служб старого режима. Для контрразведки не было сделано исключения, поскольку революционные органы печати убеждали население и военнослужащих, что органы борьбы со шпионажем – это прикрытие для военно-политической полиции.

Итог кампании, проводимой «революционными» журналистами и политиками, был печален для системы обеспечения внешней и особенно внутренней безопасности страны и ее армии. В этой связи стоит упомянуть доклад главы французской военной миссии генерала А. Нисселя своему парижскому руководству о развитии ситуации в России. Он прямо отмечал, что «русской контрразведки больше не существует» [20]. Это обстоятельство, кстати говоря, побудило разведывательные службы союзных России государств (Англии и Франции) приступить к форсированному укреплению своих официальных представительств и созданию связанных с ними нелегальных групп. Наблюдая стремление контрразведки ГУГШ уклониться от работы по сторонникам прекращения военных действий из оппозиционных Временному правительству политических сил, союзники сами развернули активные операции против большевиков, опираясь лишь на КРО Петроградского военного округа. Вся эта деятельность строилась исходя из утверждения, что многие из руководящего звена РСДРП(б) связаны с немецкими спецслужбами, действуют в их интересах, при их финансовой поддержке.

Несмотря на все сложности обстановки послереволюционного периода в России – воюющей стране, государственно мыслящие военные и ответственные гражданские чиновники отчетливо понимали необходимость укрепить потенциал отечественной контрразведки, этого еще существующего, но явно умирающего элемента «иммунной системы» государства, реорганизовать ее с учетом произошедших радикальных изменений. Исполняющий обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего генерал В. Н. Клембовский провел в Ставке ряд встреч с заинтересованными лицами и с учетом их мнений направил докладную записку военному министру Гучкову.

Автор записки указывал на критическое положение, в котором оказались КРО внутренних военных округов в связи с упразднением жандармского корпуса и охранных отделений. Своими силами контрразведчики едва могли обеспечить борьбу с разведывательной и иной подрывной деятельностью в местах дислокации окружных штабов. В связи с этим Клембовский предлагал незамедлительно войти в контакт с МВД и решить вопрос об организации КРО во всех губернских и областных центрах на базе общественной милиции, однако с непосредственным подчинением начальнику штаба соответствующего округа [21].

Будучи известным теоретиком разведки и контрразведки, генерал, бесспорно, понимал утопичность своего проекта, поскольку новый состав милиции понятия не имел даже об организации охраны общественного порядка, не говоря уже о выявлении и разработке лиц, подозреваемых в шпионаже. Однако иного выхода из создавшегося положения он не видел. Идею опоры на милицию высказал Гучкову и крупный юрист, сенатор С.Н. Трегубов [22]. Военное министерство своих предложений не имело, поэтому запрос в МВД фактически являлся компетенцией поступивших из Ставки записок [23].

Поскольку реакции МВД не последовало, то и проект военных властей остался только на бумаге [24]. Клембовский предпринял шаги и к побуждению своих коллег в Главном управлении Генштаба к созданию специальной комиссии по выработке новых инструкций по контрразведке, а также программ обучения будущих сотрудников КРО [25].

В ГУГШ он нашел поддержку и понимание. Более того, в отделе генерал-квартирмейстера предложили комиссионно разработать такие базовые документы, как положение о контр-

разведке на театре военных действий и аналогичное для тыловых военных округов. Предполагалось, что в основу системообразующих документов будут положены следующие положения: 1) организация высшего руководства, а также объединение разведывательной и контрразведывательной служб в Главном управлении Генштаба и в Ставке ВГК в лице опытных обер-офицеров; 2) комплектование должностей начальников контрразведывательных отделений всех уровней исключительно офицерами, причисленными к Генеральному штабу либо имеющими высшее юридическое (военное или гражданское) образование; 3) устранение всех сотрудников, ранее служивших в Отдельном корпусе жандармов, органах политической и криминальной полиции, и воспреещение зачисления в штат КРО указанной категории офицеров и младших чинов в будущем; 4) учреждение при ГУГШ специальных курсов для офицеров и чиновников КРО, а при штабах фронтов – курсов для наблюдательных агентов и агентов наружного наблюдения; 5) разработка единообразных штатов для одноуровневых КРО и ставок денежного содержания сотрудников. Ранее эти вопросы были в компетенции штабов армий фронтов и военных округов, что приводило к серьезным трудностям при комплектовании КРО и препятствовало перемещениям офицеров и вольнонаемных служащих.

Как утверждалось выше, новую нормативную базу по вопросам организационного строительства и практической деятельности в борьбе со шпионажем должна была создать специальная комиссия. Председателем ее назначался генерал-квартирмейстер ГУГШ генерал Н. М. Потапов. В состав комиссии включались по одному представителю от ГУГШ, МВД, Морского Генштаба и штабов действующих армий [26].

Комиссия начала свою работу 7 апреля 1917 г. [27]. К этому времени проекты всех необходимых документов уже имелись и предстояло их обсудить постатейно. Поскольку серьезных изменений никто из присутствовавших на заседаниях не внес, то с незначительными поправками проекты и были единогласно приняты. 23 апреля 1917 г. помощник военного министра генерал Новицкий утвердил «Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе» [28].

Согласно «Временному положению» задача контрразведывательных органов заключалась «исключительно в обнаружении и обследовании неприятельских шпионов, а также лиц, которые своей деятельностью могут благоприятствовать или фактически благоприятствуют неприятелю в его враждебных действиях против России и союзных с нею государств» [29].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.